

ПО ТУ СТОРОЧУ ЗЕРКАЛА

РУМІТ ВОРАНАЗ

Румит Вораназ

По ту сторону зеркала

«Автор»

2026

Вораназ Р.

По ту сторону зеркала / Р. Вораназ — «Автор», 2026

Что, если Красная Шапочка сама становится волком, а Золушка разбивает хрустальную туфельку, чтобы не быть с принцем? Что, если Спящая красавица не просыпается, а выбирает вечный сон, а Снежная королева — не злодейка, а хранительница замёрзших миров? «По ту сторону зеркала» — второй сборник цикла, где шесть зарубежных сказок перевернуты с ног на голову. Здесь Лиса и Волк — не просто звери, а наблюдатели и исполнители судьбы. Здесь зеркала не отражают лицо, а показывают все возможные версии тебя. Здесь ледяной холод Снежной королевы — это метафора выбора, а пряничный дом — ловушка, в которой дети становятся хозяевами. Приглашаю вас вместе заглянуть в отражение — туда, где привычные истории обретают тёмную глубину, а квантовая физика становится поэзией. Откройте книгу. Но не верьте тому, что видите в зеркале.

© Вораназ Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие. Зеркало, которое смотрит в ответ	5
Волчья пасть. Красная Шапочка	9
Золушка. Хрустальный коллапс	13
Семь зеркал. Белоснежка.	17
Съеденный дом. Гензель и Гретель.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Румит Вораназ

По ту сторону зеркала

Предисловие. Зеркало, которое смотрит в ответ

Мы живём среди отражений. С самого детства нам кажется, что мы знаем мир — он такой, каким мы его видим в книгах, в сказках, в глазах родителей. Мы привыкли верить, что за каждой историей стоит одна-единственная правда, что добро всегда побеждает, а зло наказывается, что хрустальная туфелька обязательно найдёт свою ногу, а поцелуй принца разрушит любое проклятие. Мы прячемся за этими гладкими, глянцевыми поверхностями, как за надёжными стенами, и не замечаем, что сами становимся отражениями — плоскими, двумерными, лишёнными теней.

Но что, если зеркало треснуло? Что, если за его гладью скрывается не просто обратная сторона, а целая бездна — бесконечный коридор вероятностей, где каждая сказка существует в бесчисленном множестве вариантов, а каждый выбор героя порождает новый мир, новую реальность, новую боль? Что, если те самые европейские сказки, которые мы знаем с младенчества, — это лишь вершина айсберга, а под водой скрываются хтонические чудовища, древние ритуалы и вопросы, на которые нет ответов?

В этом сборнике мы делаем следующий шаг — из тёмного леса русских сказок мы переступаем через порог и оказываемся в зеркальном лабиринте зарубежного фольклора. Здесь те же архетипы, но в иных одеждах: Красная Шапочка, Золушка, Спящая красавица, Снежная королева, Белоснежка, Гензель и Гретель — они все ждали нас, но они не те, кем мы их помним. Они — лишь проекции, а настоящие сущности прячутся в трещинах между мирами.

Мы уже знаем, что такое переход. В первом сборнике мы прошли по следам Колобка, вытащили Репку, жили в Теремке, разбили яйцо Курочки Рябы, замерзали у Ёлочки и нашли покой в избушке Бабы-Яги. Там мы поняли, что сказки — это не детские страшилки, а зашифрованные хроники древней борьбы с хаосом, что Лиса с раскосыми глазами не просто хищница, а наблюдатель, который своим вниманием упорядочивает реальность. Мы отпустили голоса, и они стали свободными.

Теперь мы идём дальше. За границу своего леса. Туда, где другие народы складывали свои мифы — о девочках в красных капюшонах, о потерянных туфельках, о поцелуях, разрушающих сон, о ледяных королевах и говорящих зеркалах. И мы видим: те же узоры, та же ткань. Просто нити переплетены иначе.

В этом предисловии я хочу провести вас по семи уровням этого зеркального мира, чтобы вы, читатель, не просто прочли истории, а погрузились в них — как в холодную воду, где каждый вдох становится выбором, а каждый выбор — отражением вашей собственной души.

1. Зеркало и наблюдатель

Первое, что нужно понять: в этом сборнике зеркало — не просто предмет. Это метафора сознания. В квантовой физике есть понятие «наблюдателя» — того, кто своим актом наблюдения коллапсирует волновую функцию, превращая бесконечные вероятности в одну реальность. Мы, читатели, — такие же наблюдатели для этих сказок. Пока книга закрыта, все её герои существуют в суперпозиции — они одновременно живы и мертвы, счастливы и несчастны, свободны и заключены. Но как только мы открываем страницу, мы выбираем их судьбу. Каждое прочитанное слово — это коллапс, это приговор и одновременно — освобождение.

В первом цикле эту роль играла Лиса. Она была тем наблюдателем, который давал голосам право на существование. Теперь Лиса остаётся, но она уже не одна. Рядом с ней появляется Волк — её тёмная половина, исполнитель. Если Лиса — это мудрость, терпение и принятие, то

Волк — это воля, действие и неизбежность. Вместе они формируют идеального наблюдателя: тот, кто видит все возможности и тот, кто заставляет их проявиться.

В каждой сказке этого сборника вы встретите их — иногда в обличье зверей, иногда как тени, иногда как голоса за плечом. Они не вмешиваются в сюжет — они только подсказывают. Они напоминают героям, что выбор всегда есть, даже когда кажется, что все пути закрыты. И от того, какой выбор сделает герой, зависит, разобьётся ли зеркало или станет дверью.

2. Отражения идентичности

Вторая тема, пронизывающая все шесть историй, — это идентичность. Кто я? Кем я становлюсь, когда прохожу через испытания? Что остаётся от меня, когда я смотрю в зеркало и вижу там незнакомца?

Красная Шапочка не просто девочка, которая несёт пирожки бабушке. Она — носительница крови, предназначенная для ритуала. Волк не просто хочет её съесть — он хочет, чтобы она выбрала стать им. В конце она надевает волчью шкуру, но не как трофей, а как собственную сущность, которую она всегда носила внутри.

Золушка не просто ищет принца. Она ищет свою настоящую жизнь, которую украла фея-крёстная, подменив её желания. Хрустальная туфелька — не потерянная вещь, а квантовый артефакт, который фиксирует реальность. Когда она разбивает туфельку, она разбивает и ложную версию себя.

Спящая красавица не просто ждёт поцелуя. Она — хранительница точки сборки миров, и её сон — это защитный механизм, не позволяющий хаосу прорваться. Принц, который её целует, не освобождает её — он заменяет её, и она уходит в ткань бытия, становясь наблюдателем.

Снежная королева — не злая волшебница. Она — отражение самого холода, который существует внутри каждого из нас. Её осколки — это наши страхи, наши ошибки, наши невыбранные пути. Кай не теряет сердце — он просто отдаёт его холоду, чтобы стать частью вечного покоя. Герда, проходя сквозь все миры, находит не Кая, а своё собственное отражение, и понимает, что любовь — это не растопить лёд, а принять его.

Белоснежка не просто красавица. Она — узел, в котором сходятся семь аспектов её души (гномы). Мачеха не злая — она одержима страхом перед той, кто может переписать историю. Говорящее зеркало показывает не лицо, а вероятности. И когда Белоснежка съедает яблоко, она не умирает — она обретает целостность, потому что принимает все свои тени.

Гензель и Гретель — не просто дети, брошенные в лесу. Они — наследники древнего знания, и пряничный дом — не ловушка, а испытание. Ведьма не людоедка, а садовница, которая выращивает дома. Дети не толкают её в печь — они предлагают ей сделку, и дом становится их убежищем, а они — его новыми хозяевами.

В каждом случае зеркало — это призма, через которую герои видят себя настоящих. И иногда, чтобы стать собой, нужно разбить то, что их отражало.

3. Квантовая запутанность и ткань бытия

В этом сборнике мы продолжаем использовать метафоры квантовой физики как поэтический язык. Запутанность, суперпозиция, коллапс, наблюдатель — это не термины, а образы. Мы говорим о том, что все герои связаны друг с другом невидимыми нитями, и каждый их шаг отзывается в других историях. Красная Шапочка встречает Волка, который когда-то был в русском лесу. Золушка теряет туфельку, и её осколки отражаются в зеркале Белоснежки. Снежная королева, возможно, знала Бабу-Ягу, и их холодные замки стоят на противоположных концах одной ткани.

Эта запутанность — не просто литературный приём. Она напоминает нам, что мы все связаны. Что каждая наша мысль, каждый выбор влияет на кого-то другого, даже если мы не видим этой связи. И Лиса с Волком — как два узла, которые стягивают эту ткань, давая ей форму.

Я не утверждаю, что сказки — это физика. Я утверждаю, что человеческий разум, независимо от эпохи и культуры, использует одни и те же метафоры для описания необъяснимого. И чем глубже мы заглядываем в эти метафоры, тем ближе мы подходим к истине: мир един, и мы — его наблюдатели, его творцы и его жертвы.

4. Зарубежный фольклор как новый слой

Почему именно европейские сказки? Потому что они стали частью глобального культурного кода. Мы все знаем Золушку, Шапочку и Снежную королеву, независимо от того, где живём. Они — наше общее наследие, и они же — наше общее заблуждение. Мы привыкли к их диснеевским версиям, к их хэппи-эндам, к их сладкой морали. Но оригинальные народные тексты (а многие из этих сказок были жестокими и мрачными до того, как их отредактировали) хранят те же архетипы, что и русские: испытание, жертва, переход, инициация.

Я не пересказываю их жестокость ради жестокости. Я добавляю философский слой — тот самый, который позволяет увидеть в Красной Шапочке не просто жертву, а будущую хранительницу. В Золушке — не просто замарашку, а разрушительницу ложной реальности. В Снежной королеве — не просто злодейку, а хранительницу вечного покоя.

Это — акт деконструкции и одновременно реконструкции. Мы ломаем старые зеркала, чтобы из их осколков сложить новое — более глубокое, более истинное.

5. Лиса и Волк: два лика судьбы

В этом сборнике мы не просто встречаем старых знакомых — мы видим их в новом свете. Лиса из первого цикла, которая была одинокой наблюдательницей, теперь обретает партнёра. Волк — её тёмная половина, её дополнение. Если Лиса — это мягкость, хитрость и принятие, то Волк — это жёсткость, прямота и принуждение. Они не враги и не любовники — они суть одной сущности, разделённой для того, чтобы действовать эффективнее.

Лиса появляется в каждой сказке как тихий голос, как совет, как сомнение. Она не говорит героям, что делать, — она задаёт вопросы. «Ты уверена?», «А что, если иначе?», «Кто ты без своей корзины/туфельки/зеркала?». Волк же приходит в моменты кризиса — когда герой уже почти сдался, почти согласился на ложный выбор. Он не даёт советов — он толкает. Он рычит, кусает, гонит вперёд, иногда жестоко, но всегда вовремя.

Их совместное присутствие создаёт динамику, которая превращает каждую сказку в диалог между сомнением и действием. И в финале, когда все нити сходятся, они встречаются — не для того, чтобы слиться, а чтобы признать, что только вместе они могут видеть всю ткань целиком.

6. Отражение и выбор

Главный урок второго цикла — это отказ от пассивности. Героини этих сказок перестают быть жертвами обстоятельств. Шапочка не ждёт спасения — она становится волком. Золушка не идёт на бал, чтобы выйти замуж, — она идёт, чтобы разрушить иллюзию. Спящая Красавица не ждёт поцелуя — она выбирает сон как форму свободы. Герда не спасает Кая — она принимает его холод. Белоснежка не умирает от яблока — она прозревает. Гензель и Гретель не убегают от ведьмы — они договариваются с ней.

Это выбор. Тот самый коллапс, который превращает вероятность в реальность. И каждый читатель, который откроет эту книгу, тоже делает выбор — какой из миров он хочет увидеть, какому из отражений он доверит свою душу.

7. Приглашение в зеркало

Итак, перед вами — второй шаг в бесконечном лабиринте. Если первый сборник был о памяти и отпуске, то этот — об идентичности и отражении. Если там мы учились прощаться, то здесь мы учимся видеть.

Когда вы закроете эту книгу, вы, возможно, уже не будете прежними. Потому что зеркало, в которое вы смотрелись, тоже посмотрело на вас. Оно запомнило ваше лицо и ваши вопросы.

И теперь, когда вы встретите Красную Шапочку или Золушку в мультфильме или в детской книге, вы услышите за их словами иной смысл — тот, который мы здесь пытались расслышать.

Добро пожаловать по ту сторону зеркала.

Здесь холодно, здесь темно, здесь осколки могут поранить. Но здесь же — бесконечная красота запутанных миров, где каждый выбор отзывается эхом в вечности. Возьмите за руку Лису и Волка — они проведут вас через лабиринт. И не бойтесь смотреть в глаза своему отражению. Оно знает вас лучше, чем вы думаете.

Румит Вораназ

Год, когда зеркала начали говорить

Волчья пасть. Красная Шапочка

1. Капюшон как клеймо

Деревня стояла на краю леса, но не того леса, что был когда-то добрым и щедрым. Этот лес был живым — он дышал, он двигался, он смотрел. По ночам из его чащи доносились голоса, которые звали по имени, и те, кто откликался, уже не возвращались. Деревня знала: лес — это не место, лес — это сущность. И сущность эта была голодной.

Девочку звали Анной, но никто не называл её так. Все звали её Красной Шапочкой — не за красоту, не за наряд, а за метку. Капюшон ей сшила бабушка, когда Анне исполнилось семь лет. Он был алым, как кровь, и от него исходил слабый, почти незаметный запах железа. Бабушка сказала тогда: «Носи его всегда. Не снимай ни днём, ни ночью. Если снимешь — лес увидит твоё лицо, и ты станешь его частью». Анна не понимала, что значит «стать частью леса», но она носила капюшон, потому что бабушка была единственной, кто любил её по-настоящему.

Мать была другой — сухой, молчаливой, с глазами, которые смотрели сквозь Анну, как сквозь пустое место. Она не обнимала дочь, не гладила по голове, не шептала ласковых слов. Она только давала указания: принеси воды, наколи дров, не ходи в лес. И главное — не снимай капюшон.

Отец ушёл в лес, когда Анне было пять. Он сказал, что пойдёт за дровами, но дрова не принёс, и никто не искал его. Люди в деревне знали: если лес забирает, лес не отдаёт. Иногда, по ночам, Анне казалось, что она слышит его голос — он звал её из-за деревьев, тонкий и далёкий, как плач. Она не отвечала. Она знала: если ответить, она тоже уйдёт.

В день, когда началась эта история, Анне исполнилось тринадцать. Мать позвала её утром и сказала:

— Бабушка больна. Она просила тебя прийти. Отнеси ей хлеб, мёд и кувшин молока. И не снимай капюшон.

Анна взяла корзину, наполнила её припасами и вышла за порог. Лес стоял перед ней — тёмный, плотный, с деревьями, которые росли не вверх, а в стороны, переплетаясь ветвями так, что между ними не проходил солнечный свет. Только красный капюшон горел на её голове, как последний огонёк в бездне.

Она сделала шаг — и лес выдохнул.

2. Тропа, которая дышит

Тропа, ведущая к дому бабушки, была старше всех деревьев. Она вилась между корней, перепрыгивала через ручьи, ныряла под упавшие стволы — и каждый раз, когда Анна проходила по ней, она чувствовала, что тропа меняется. Камни сдвигались, корни поднимались, ветки опускались, как будто лес перестраивался вокруг неё, создавая коридор, который вёл только в одном направлении.

— Ты не боишься? — спросил голос из кустов.

Анна остановилась. Она не испугалась — она привыкла к голосам. Лес говорил всегда, просто не все умели слушать.

— Нет, — ответила она. — Я иду к бабушке. Она больна.

— Бабушка не больна, — сказал голос, и из кустов вышел Волк. Он был не серым, как лесные волки, а почти чёрным — с сединой на морде и глазами, в которых горел золотой свет. Он не скалился, не рычал, он стоял и смотрел на Анну с вниманием, которое было почти человеческим. — Бабушка давно не больна. Бабушка — это приманка.

— Что ты говоришь? — спросила Анна, сжимая корзину.

— Она ждала тебя, — сказал Волк. — Она всегда ждала. Не для того, чтобы ты принесла ей хлеб и мёд. Для того, чтобы ты пришла к ней в последний раз. Ты — не просто девочка. Ты — продолжение. Ты — та, кто должна занять её место.

Анна не поняла. Она знала, что бабушка — странная старуха, которая живёт на краю леса и знает травы, которые никто не знает. Она знала, что бабушка никогда не болеет, не стареет и не умирает. Но она не думала, что это связано с ней.

— Я не хочу занимать чьё-то место, — сказала Анна. — Я хочу просто отнести хлеб и вернуться домой.

— Нет, — сказал Волк, и его голос стал твёрже. — Ты уже не вернёшься. Ты переступила порог. Лес узнал тебя по красному капюшону. Теперь он будет ждать твоего выбора. И если ты выберешь не то, что должна, — он съест тебя. Не как волк, а как память. Ты станешь одной из тех, кто бродит между деревьев и зовёт по имени, но не имеет голоса.

Волк исчез так же внезапно, как появился — просто шагнул назад и растворился в тенях. Анна осталась одна на тропе, и корзина в её руках казалась тяжелее, чем когда-либо.

Она пошла дальше, но теперь она чувствовала: за ней наблюдают. Не один Волк — множество глаз. Они горели в кустах, на ветках, даже в земле под ногами. Лес знал её имя, её возраст, её страх. Лес ждал.

3. Бабушка

Дом бабушки стоял на поляне, где трава была серой, а цветы — чёрными. Дверь была приоткрыта, и изнутри тянуло запахом гниющих трав и старого мёда. Анна вошла, но внутри никого не было — только пустая кровать, застеленная алым одеялом, и зеркало, накрытое тканью.

— Бабушка? — позвала Анна.

Тишина. Но тишина была живой — она гудела, как улей, и в этом гуле Анна услышала голос. Тонкий, далёкий, как будто из-под земли:

— Я здесь, внучка. Я всегда здесь.

Анна обернулась. На кровати сидела Бабушка — или то, что когда-то было ею. Её тело было прозрачным, почти невесомым, и сквозь него просвечивали доски кровати. Её глаза были закрыты, но голос звучал отчётливо.

— Ты пришла, — сказала Бабушка. — Я знала, что ты придёшь. Ты — моя кровь. Ты — продолжение. Я должна была тебе сказать, но я боялась. Теперь я не боюсь. Слушай, Анна. Слушай и запоминай.

Анна села на край кровати, и её рука коснулась прозрачной ладони Бабушки. Та была холодной, как лед, но в этом холоде было тепло — парадокс, который Анна не могла объяснить.

— Я не простая старуха, — сказала Бабушка. — Я — хранительница. Я стою на границе между нашим миром и тем, что за ним. Тот лес, через который ты прошла, — он не просто лес. Он — кожа мира. Он дышит, он видит, он помнит. И его задача — проверять тех, кто переходит границу. Я была хранительницей много лет, но я устала. Я хочу уйти. И ты должна заменить меня.

— Но я не могу, — прошептала Анна. — Я — просто девочка. Я не знаю, как быть хранительницей.

— Ты знаешь, — сказала Бабушка. — Ты носишь красный капюшон. Это не просто одежда. Это — обет. Когда я сшила его, я вплела в него свою кровь. Теперь он — твой. И когда ты наденешь его, ты станешь хранительницей. Но есть одно условие: ты должна пройти через Волка. Он — не зверь. Он — испытание. Если ты выдержишь его взгляд, если ты не отведёшь глаз, — ты станешь мной. А если сломаешься — он съест тебя, и лес получит новую тень.

Анна сняла капюшон. Она не знала, зачем она это сделала — просто руки сами потянулись, и капюшон упал на колени. И в тот же миг зеркало, накрытое тканью, упало на пол. Ткань сползла, и Анна увидела своё отражение. Но отражение было не её — оно было старше, мудрее, с глазами, которые видели бесконечность. И оно смотрело на неё с улыбкой.

— Ты уже сделала выбор, — сказала отражение голосом Бабушки. — Ты сняла капюшон. Теперь лес видит твоё лицо. И Волк придёт за тобой. Но ты не бойся — я буду с тобой.

4. Волк как зеркало

Волк появился на пороге, когда луна уже висела над поляной. Он был огромным, почти чёрным, и его глаза горели тем же золотым светом, что и у Бабушки. Он не рычал — он просто смотрел.

— Ты готова? — спросил он.

— Я не знаю, — ответила Анна. — Но я должна попробовать.

Он шагнул в дом, и его тело стало больше, чем дом. Он не втискивался — он расширял пространство, и Анна оказалась внутри него, как в пещере. Его рёбра были стенами, его сердце билось в такт с её пульсом, и его голос звучал отовсюду:

— Ты видишь меня? Ты видишь того, кто я?

— Я вижу тебя, — сказала Анна. — Ты — не волк. Ты — выбор. Ты — отражение моего страха и моей силы.

— Да, — сказал Волк. — Я — твой страх. И я — твоя сила. Если ты примешь меня, ты станешь целой. Если ты отвергнешь меня, я съем тебя. Но съесть тебя — значит сделать тебя частью леса. Ты не умрёшь — ты станешь тенью. Ты будешь бродить между деревьев и звать по имени, но голоса у тебя не будет.

Анна смотрела в его глаза. Она не отводила взгляд. Она чувствовала, как страх разливается по её телу, как она хочет убежать, закричать, проснуться. Но она держалась. Она вспомнила голос бабушки: «Ты — моя кровь. Ты — продолжение».

— Я принимаю тебя, — сказала она. — Я принимаю свой страх. Я принимаю свою силу. Я — хранительница.

Волк зарычал, но рык был похож на смех. Он начал уменьшаться, и его тело снова стало обычным волчьим телом, но в его глазах Анна увидела признание.

— Ты прошла, — сказал он. — Ты — та, кто может стоять на границе. Ты — новая хранительница.

Анна вышла из дома. На поляне никого не было — ни Бабушки, ни Волка. Только она и её отражение, которое теперь было не в зеркале, а внутри неё. Она надела капюшон, и он стал тяжёлым — не от ткани, а от памяти. Она знала, что теперь она — не просто девочка. Она — та, кто решает, кто проходит через лес, а кто становится его частью.

Она пошла обратно в деревню, но лес теперь не скрывался от неё. Он открывался ей, показывал свои тропы, свои тайны, свои голоса. Она слышала их — тех, кто когда-то был людьми, но стал тенью. Они звали её, но она не отвечала. Она знала, что ответ — это приговор.

5. Возвращение домой

Деревня встретила её тишиной. Люди выходили на пороги и смотрели на неё с ужасом и почтением. Она была другой — её глаза светились золотом, и её походка была уверенной, как у той, кто знает больше, чем надо.

Мать стояла на пороге дома. Она не плакала, не улыбалась — она просто смотрела, и в её взгляде была признательность.

— Ты вернулась, — сказала она.

— Да, — ответила Анна. — Я вернулась, чтобы уйти.

— Я знала, — сказала мать. — Бабушка говорила мне. Она сказала, что ты станешь хранительницей. И что ты должна будешь уйти в лес, чтобы защищать деревню. Я не хотела тебя отпускать, но я знала, что это твоя судьба.

Анна обняла мать — впервые в жизни. Мать не сопротивлялась, не застыла, она тоже обняла дочь, и слёзы текли по её щекам.

— Я буду приходить, — сказала Анна. — Я буду смотреть на деревню из леса. И когда ты будешь звать меня, я приду.

Она ушла в лес. Она шла не оглядываясь, потому что знала: если она оглянется, она не сможет уйти. Она шла к дому бабушки, который теперь был её домом. И на пороге её ждал Волк — не как враг, а как партнёр.

— Ты готова? — спросил он.

— Да, — сказала Анна. — Я готова.

Она вошла в дом, и Волк лёг у порога. Они были хранителями леса: она — разум, он — сила. Она решала, кто проходит, а кто остаётся. Он исполнял. И вместе они составляли идеального наблюдателя — того, кто видит все вероятности и кто коллапсирует их в реальность.

6. Эпилог. Лиса и Волк у зеркала

Лиса стояла на поляне, где дом бабушки когда-то был, а теперь стояла только старая берёза. Она смотрела в сторону леса, где Анна теперь ходила между деревьев, и улыбалась.

— Ты сделал это, — сказала она Волку, который появился из-за её спины. — Ты помог ей стать хранительницей.

— Я не помогал, — сказал Волк. — Я просто был её выбором. Она сделала это сама.

— Но ты был тем зеркалом, в котором она увидела себя настоящую, — сказала Лиса. — Это твоя роль. Я — подсказываю, ты — толкаешь. Вместе мы — ткань.

— А что дальше? — спросил Волк.

— Дальше будут другие. Золушка, Спящая, Снежная королева, Белоснежка, Гензель и Гретель. Каждый из них должен будет пройти через своё зеркало. И мы будем рядом — я как шёпот, ты как удар. Мы поможем им увидеть себя.

Лиса посмотрела на небо, где зажигались звёзды, и в каждой из них она видела судьбу.

— Мы идём к Золушке, — сказала она. — Её туфелька уже потеряна, и она ищет не принца, а себя. Мы поможем ей найти хрустальный коллапс.

Волк кивнул. Он не спрашивал, как и зачем. Он просто следовал за Лисой, потому что знал: их пути запутаны, их выборы переплетены, и только вместе они могут видеть всю ткань бытия.

А за их спиной, в лесу, звенел голос Анны — она пела ту самую песню, которую когда-то пел Колобок, но теперь это была не песня побега, а песня принятия:

— Я ушла от всех,

Я ушла от себя, Я стала волком и зверем,

Я стала лесом и тенью,

Я стала тем, кто видит.

И эхо этой песни разносилось по всем мирам, связывая их в одно целое — в ту самую ткань, которую Лиса и Волк так бережно охраняли.

Золушка. Хрустальный коллапс

1. Пепел, который помнит

Золушку звали Элино́р, но никто не помнил этого имени. Все звали её Пепел — потому что она вечно пахла золой, и в волосах её всегда застревали серые хлопья, и кожа была серой, как у тех, кто слишком долго сидит у огня. Она не жаловалась. Она просто делала то, что велели, и молчала, потому что слова были слишком тяжёлыми, чтобы их произносить.

Дом, в котором она жила, стоял на холме, где ветер дул всегда, но никогда не уносил запах горелого. Мачеха говорила, что это из-за печи, которая старая и плохо тянет. Но Элино́р знала: печь здесь ни при чём. Это пепел был живым. Он лежал слоями на полу, на стенах, на одежде, и каждый его слой хранил память о том, что сгорело — не дрова, не угли, а люди. Её отец, когда-то богатый купец, исчез в этом пепле, оставив ей только серебряную ложку и обручальное кольцо матери. Мать умерла, когда Элино́р было шесть, и перед смертью она прошептала: «Не бойся пепла. Это всего лишь прошлое, которое ждёт, когда его развеют».

Элино́р не развеивала. Она боялась, что вместе с пеплом улетит и память.

Мачеха — высокая, острая, с глазами, как два буравчика, — появилась через год после смерти матери. Она привела двух дочерей: Клару и Фредерику. Клара была круглой, рыхлой, с тонкими волосами и вечно недовольным лицом. Фредерика — худой, костлявой, с руками, похожими на грабли. Они не любили Элино́р, но не били её — они просто стирали её существование, делали её невидимой, заставляли забывать, что она вообще есть.

— Сиди в кухне, — говорила мачеха. — Убирай, чисти, мечи пепел. Не показывайся на глаза гостям. И никогда не снимай платье.

Платье у Элино́р было серым, когда-то синим, но выцветшим до бесцветья. Оно было ей велико, и она подвязывала его верёвкой. Оно пахло дымом и чем-то сладким — тем запахом, который остаётся после того, как сгорает что-то живое. Иногда, когда она ложилась спать, ей казалось, что платье дышит — поднимается и опускается, как грудная клетка спящего зверя. Она не снимала его, потому что мачеха запрещала. И потому что она чувствовала: без него она перестанет существовать.

В тот день, когда началась эта история, в доме готовились к балу. Король искал невесту для своего сына, и все девушки королевства были приглашены. Мачеха суежилась, Клара и Фредерика перемерили все платья, а Элино́р сидела в кухне и чистила камин. Она не мечтала о бале. Она мечтала о том, чтобы пепел перестал шевелиться по ночам, чтобы тени не бродили по углам, чтобы мать пришла во сне и сказала, что всё будет хорошо.

Но мать не приходила. Вместо неё пришла Лиса.

2. Первая встреча

Элино́р сидела у остывшего камина и смотрела на угли, которые давно погасли. Она не плакала, потому что слёзы не вытирали пепел. Она просто сидела и слушала, как в доме шумят гости, как смеётся Клара, как ругается мачеха.

— Ты не хочешь на бал? — спросил голос.

Элино́р обернулась. На подоконнике сидела Лиса. Маленькая, рыжая, с глазами, которые были слишком большими для её морды, и слишком человеческими.

— Я не могу, — сказала Элино́р. — У меня нет платья, нет туфель, нет кареты. И мачеха не пустит.

— Ты думаешь, что бал — это про платье и карету? — усмехнулась Лиса. — Нет. Бал — это про выбор. Ты сидишь здесь, в пепле, и выбираешь быть тенью. А могла бы пойти и выбрать быть собой. Но для этого нужно не платье. Нужно желание.

— Я не знаю, кто я, — прошептала Элино́р.

— Ты знаешь, — сказала Лиса. — Ты просто боишься это признать. Ты — не Пепел. Ты — Элино́р. И Элино́р когда-то была сильной. Она выжила после смерти матери, после отца, после всех унижений. Она выжила, потому что внутри неё есть что-то, что не горит. То, что ты называешь пеплом, — это просто защита. Но защита не должна быть тюрьмой.

Элино́р подошла к Лис. Она хотела погладить её, но Лиса отстранилась.

— Не касайся меня, — сказала она. — Я здесь не для того, чтобы ты гладила меня. Я здесь, чтобы сказать тебе: скоро ты выйдешь из дома. И когда выйдешь, ты встретишь Волка. Не бойся его. Он — не враг. Он — твой выбор. И если ты выдержишь его взгляд, ты обретёшь не принца, а себя.

Лиса исчезла, как будто её и не было. На подоконнике остался только след — рыжий волосок, который Элино́р спрятала в карман. Она не знала, что это значило, но она чувствовала: что-то изменилось. Пепел перестал шевелиться. Тени застыли. И воздух стал тяжёлым, как перед грозой.

3. Фея-паразит

Мачеха уехала на бал вместе с Кларой и Фредерикой. Дом опустел, и Элино́р осталась одна. Она сидела у камина, и вдруг пламя вспыхнуло ярче, чем обычно — оно стало зелёным, потом синим, потом белым, и из него вышла женщина. Она была высокой, очень высокой, с лицом, которое менялось каждую секунду: то оно было молодым, то старым, то красивым, то уродливым. Её платье было сделано из огня, но огонь не жёг — он обволакивал.

— Я — твоя крёстная, — сказала женщина. — Или та, кого называют крёстной. На самом деле я — не крёстная. Я — шанс. Я даю тебе возможность пойти на бал. Но не просто пойти — выбрать. Я дам тебе платье, карету, туфельки. Всё, как в сказке. Но запомни: всё это — иллюзия. В полночь чары рассеются, и ты вернёшься сюда. А если не вернёшься, если останешься в иллюзии, — ты станешь моей. Навсегда.

— Твоей? — переспросила Элино́р. — Кто ты?

— Я — та, кто питается желаниями, — сказала женщина. — Я даю людям то, чего они хотят, а потом забираю их сущность. Они становятся пустыми, довольными и счастливыми — но не живыми. Ты хочешь быть живой? Тогда иди на бал, но не оставайся там. Выбирай не принца, выбирай себя. И тогда я не смогу тебя забрать.

Она взмахнула рукой, и Элино́р оказалась в золотом платье. Оно было тяжёлым, но невесомым, и от него исходил свет. На ногах её были хрустальные туфельки — прозрачные, как лёд, и внутри каждой из них горела маленькая искра.

— Иди, — сказала крёстная. — Иди и помни: полночь — это коллапс. Всё, что ты видишь, — это суперпозиция. Ты одновременно и бедная служанка, и будущая королева. Но выбор делает тебя одной из них. Не ошибись.

Элино́р вышла из дома и села в карету из тыквы. Лошади были белыми, как снег, и их глаза горели тем же светом, что и туфельки. Она не чувствовала страха. Она чувствовала надежду — ту, которая сгорает в пепле, но всегда тлеет под ним.

4. Бал как симуляция

Дворец был огромным, но Элино́р сразу поняла: он — не настоящий. Колонны мерцали, стены дышали, и в каждом зеркале она видела не себя, а другую себя — ту, которая уже стала королевой, ту, которая уже умерла, ту, которая никогда не родилась.

На балу было много людей. Они танцевали, смеялись, говорили, но их голоса звучали приглушённо, как будто из-под воды. Элино́р смотрела на них и понимала: все они — такие же, как она. Они пришли сюда, чтобы выбрать, но большинство из них уже выбрали иллюзию. Они хотели быть богатыми, красивыми, любимыми — и крёстная дала им это, но взамен забрала их волю. Они танцевали, но их движения были механическими, их улыбки — пустыми.

Принц приблизился к ней. Он был красивым — слишком красивым, с глазами, которые смотрели не на неё, а сквозь неё. Он взял её за руку, и она почувствовала, как её тело теплеет, как ей хочется забыть обо всём и просто танцевать, и забыться, и стать частью этой иллюзии.

— Ты прекрасна, — сказал принц. — Ты — та, кого я искал.

— Ты меня не знаешь, — ответила Элинор. — Ты видишь только платье и туфельки. Ты не видишь меня.

— Я вижу твою душу, — сказал принц, и его голос стал глубже, как будто он говорил не от себя, а от кого-то другого. — Твоя душа светится. Она — как хрусталь. Она может разбиться, но осколки будут прекрасны.

Элинор хотела улыбнуться, но в этот момент она услышала шёпот:

— Не верь ему. Он — не принц. Он — просто отражение твоих желаний. Он — то, чем ты хочешь быть, но не то, что тебе нужно.

Она обернулась. На балконе стоял Волк. Он был чёрным, с горящими глазами, и он не вписывался в эту светлую, фальшивую реальность.

— Я знаю, — ответила ему Элинор, хотя никто вокруг не слышал её слов. — Но мне так хочется поверить.

— Верь, — сказал Волк. — Но не забывай, что часы бьют полночь. Когда они пробьют, иллюзия исчезнет, и ты останешься с выбором. Если ты выберешь принца, ты останешься в иллюзии навсегда. Если ты выберешь себя — ты станешь свободной.

Элинор танцевала, но она чувствовала, как туфельки начинают давить, как платье становится тяжелее, как воздух вокруг неё сгущается. Она знала: время уходит. И она должна была решить, кто она — Пепел или Элинор, служанка или королева, жертва или хранительница.

5. Побег и хрустальный след

Часы начали бить. Полночь. Первый удар, второй, третий. Элинор вырвалась из рук принца и побежала вниз по лестнице. Её туфельки скользили по мрамору, платье трепетало на ветру, и она бежала, потому что знала: если она остановится, она пропадёт. Она бежала вниз, оставляя за собой хрустальные следы — потому что одна туфелька соскользнула с ноги и осталась на ступени.

Она выбежала из дворца. Карета исчезла, платье превратилось в серое рубище, и она осталась стоять на пустой дороге в одной туфельке. Но она была свободна. Она не стала частью иллюзии. Она выбрала себя.

И тогда она поняла: хрустальная туфелька — это не потерянная вещь. Это код. Это зацепка для реальности, которая должна была коллапсировать в её выбор. Принц найдёт туфельку и будет искать её. Но она не хотела быть найденной. Она хотела быть нашедшей.

— Ты сделала это, — сказала Лиса, появившись из-за поворота. — Ты сбежала из иллюзии. Теперь ты можешь выбирать, что делать дальше. Ты можешь вернуться домой и ждать принца, который принесёт тебе туфельку. Ты можешь пойти в лес и стать хранительницей. Ты можешь остаться здесь и исчезнуть. Это — твой выбор.

— Я хочу разбить туфельку, — сказала Элинор. — Я хочу разбить её, чтобы она не могла меня найти. Чтобы принц не мог меня найти. Чтобы я не была чьей-то собственностью.

— Тогда иди, — сказала Лиса. — Иди к Волку. Он ждёт тебя. Он разобьёт туфельку так, как надо.

6. Волк и разбитый хрусталь

Волк ждал её на поляне, где не было деревьев, только трава и луна. Он сидел с хрустальной туфелькой в зубах — той самой, которую она потеряла.

— Ты готова? — спросил он.

— Да, — сказала она. — Разбей её. Но не просто разбей. Разбей так, чтобы осколки стали звёздами.

Волк сжал челюсти, и туфелька хрустнула. Она разлетелась на тысячи осколков, но осколки не упали на землю — они взлетели в небо и стали звёздами. Каждая звезда — это была вероятность, каждый осколок — это был выбор. И Элинор смотрела на них и видела все свои возможные жизни: ту, где она стала королевой, ту, где она умерла, ту, где она осталась служанкой, ту, где она стала хранительницей.

— Теперь ты свободна, — сказал Волк. — Ты не связана с принцем, не связана с туфелькой, не связана с прошлым. Ты — чистая вероятность. Ты — суперпозиция. И только ты выбираешь, во что коллапсировать.

Элинор пошла по полю. Она не знала, куда идёт, но она знала, что идёт к себе. Она шла через лес, и деревья расступались перед ней, потому что она больше не была Пепел. Она была Элинор — та, кто разбила иллюзию и создала звёзды из хрусталя.

7. Эпилог. Лиса и Волк у нового порога

Лиса сидела на камне и смотрела на звёзды, которые зажглись над поляной. Волк лёг рядом, и его глаза светились золотом.

— Она сделала это, — сказал Волк. — Она выбрала себя, а не принца.

— Она всегда была сильнее, чем думала, — ответила Лиса. — Ей просто нужно было, чтобы кто-то напомнил ей об этом.

— А что теперь? — спросил Волк.

— Теперь — Спящая красавица, — сказала Лиса. — Она спит уже сто лет, но не потому, что проклята. Она спит, потому что боится проснуться и увидеть правду. Мы поможем ей выбрать не поцелуй, а пробуждение.

Семь зеркал. Белоснежка.

1. Зеркало, которое говорит

Замок стоял на скале, где ветер пел песни о том, что было и что будет. Внутри, в самой высокой башне, висело зеркало — не простое, а живое. Его рама была из чёрного дерева, инкрустированного серебром, а его поверхность не отражала, а создавала. Каждое утро королева подходила к нему и спрашивала:

— Зеркало, зеркало на стене, кто прекрасней всех в стране?

И зеркало отвечало. Оно не льстило, не обманывало — оно показывало истину. Но истина эта была сложнее, чем просто красота. Зеркало показывало не лицо, а вероятность — ту версию человека, которая была наиболее актуальной в данный момент. Иногда королева видела себя молодой и сияющей, иногда — уставшей и старой, иногда — мёртвой. Она не боялась, потому что верила: красота — это сила, а сила — это власть.

Но однажды зеркало сказала:

— Ты прекрасна, королева. Но Белоснежка прекраснее. Её красота — не внешняя. Она — внутренняя. Она — та, кто видит все отражения и не боится ни одного.

Королева побледнела. Она не могла принять, что кто-то может быть прекраснее её, потому что она вложила всю свою жизнь в то, чтобы быть единственной. Она вызвала охотника и сказала:

— Уведи Белоснежку в лес. Убей её и принеси мне её сердце.

Охотник не хотел убивать, но он боялся королевы. Он взял Белоснежку за руку и повёл в лес. Но в лесу он остановился, посмотрел на неё и увидел её глаза — глаза, в которых отражалась вся бесконечность. Он не мог убить её. Он сказал:

— Беги. Беги и не возвращайся. Королева хочет твоей смерти, но я не дам ей тебя. Беги туда, где семь холмов встречаются с семью ручьями. Там ты найдёшь дом, в котором живут семь теней. Они не злые, они — отражения. Они помогут тебе.

Белоснежка побежала. Она бежала через лес, где деревья были зеркалами, отражающими её собственные страхи. Она бежала через поля, где трава шептала её имя. Она бежала, пока не упала на колени перед маленьким домиком, который стоял у подножия семи холмов. Домик был крошечным, но в нём горел свет, и из трубы шёл дым, пахнувший хлебом и мёдом.

Она постучала. Дверь открылась, и она увидела их — семь фигур, которые не были людьми. Они были тенями, каждая из которых имела свой цвет: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Они не говорили словами — они говорили эхом. Их голоса звучали в унисон:

— Мы ждали тебя. Мы — твои отражения. Ты потеряла нас, когда ушла из замка. Теперь ты должна найти нас снова.

2. Семь теней

Гномы — так называла их Белоснежка — не были карликами. Они были аспектами её собственной души, которые она отсекла, чтобы стать идеальной. Каждый из них нёс в себе ту часть, которую она не хотела видеть:

- Красный — её гнев, тот, что она прятала за улыбкой.
- Оранжевый — её страх, тот, что она заталкивала в самые тёмные уголки.
- Жёлтый — её радость, которую она подавляла, чтобы быть серьёзной.
- Зелёный — её ревность, которую она не признавала даже перед собой.
- Голубой — её печаль, которую она утопала в молчании.
- Синий — её любовь, которую она боялась отдать, потому что боялась потерять.
- Фиолетовый — её надежда, которая тлела, но не разгоралась.

Каждый из них был уродливым, смешным, несовершенным. Но вместе они составляли целостность, которую она потеряла, когда согласилась быть «прекрасней всех».

— Мы не враги, — сказали они хором. — Мы — ты. Ты не можешь быть целой, пока не примешь нас. Но ты боишься, потому что мы — не идеальны. Ты хочешь быть только красивой, но красота без уродства — это ложь.

Белоснежка сидела на полу и плакала. Она не знала, что делать. Она привыкла быть той, кого все любят, но никто не знает. Она привыкла быть отражением, а не оригиналом.

— Я не хочу быть уродливой, — прошептала она.

— Ты не будешь уродливой, — ответили гномы. — Ты будешь настоящей. Это страшнее, чем быть уродливой. Это страшнее, чем быть красивой. Это — быть живой.

3. Яблоко как катализатор

Королева не остановилась. Она узнала, что Белоснежка жива, и решила действовать сама. Она переделалась в нищенку, взяла корзину с яблоками и пошла в лес. Яблоки были не простыми — они были коллапсами. Каждое яблоко содержало в себе целый мир вероятностей, и только одно из них было настоящим — то, что могло вернуть Белоснежку к целостности или уничтожить её навсегда.

Она подошла к домику и постучала. Гномы были на работе, и Белоснежка открыла дверь одна.

— Хочешь яблоко, милая? — спросила королева, протягивая самое красное, самое соблазнительное яблоко.

— Я не должна брать еду у незнакомцев, — сказала Белоснежка.

— Но это не просто яблоко, — сказала королева, и её голос стал мягче, почти нежным. — Это — выбор. Каждый кусочек этого яблока — это одна из твоих жизней. Если ты съешь его, ты сможешь выбрать, какой из них стать. Ты сможешь выбрать свою настоящую суть.

Белоснежка взяла яблоко. Она чувствовала его тяжесть, его холод, его память. Она знала, что это ловушка, но она также знала, что это — шанс. Она откусила кусочек, и мир вокруг неё взорвался.

4. Коллапс идентичности

В тот момент, когда она прокусила кожуру, она перестала быть одной. Она стала всеми своими версиями сразу. Она видела себя дочерью короля, беглянкой, спящей, мёртвой, живой, старухой, ребёнком. Она видела себя любящей и ненавидящей, побеждающей и проигрывающей. Она видела себя в семи зеркалах, и каждое зеркало показывало свой цвет, свою боль, свою правду.

Гномы окружили её. Они больше не были отдельными — они сливались в одно сияющее пятно, которое росло и росло, пока не заполнило всю комнату. Голоса их звучали, но теперь это был один голос, глубокий и чистый:

— Ты видишь? Мы не враги. Мы — твои отражения. Мы — твои выборы. Мы — то, чем ты могла бы стать, но не стала. И если ты примешь нас, ты станешь целой. Если ты оттолкнёшь нас, ты умрёшь, но смерть твоя будет не окончательной — она будет вечным сном, в котором ты будешь видеть нас, но не сможешь коснуться.

Белоснежка лежала на полу, и в её руке было яблоко. Она не умерла — она прозрела. Она видела все свои жизни, и в каждой из них она была неполной. Только сейчас, когда она приняла свои тени, она начала становиться настоящей.

— Я принимаю вас, — прошептала она. — Я принимаю гнев, страх, радость, ревность, печаль, любовь и надежду. Я принимаю свои отражения. Я — целая.

Гномы исчезли. Вместо них осталось семь маленьких зеркал, которые висели на стене. В каждом зеркале она видела себя — не идеальную, а настоящую. И в каждом из этих отражений она чувствовала силу.

Она встала. Королева стояла в дверях, и на её лице был ужас.

— Ты не умерла, — прошептала королева.

— Я не умерла, — сказала Белоснежка. — Я родилась заново. Я — та, кто видит все отражения и не боится ни одного. Ты можешь остаться в своём замке и спрашивать зеркало, кто прекрасней всех. Но я больше не спрашиваю. Я знаю, что я есть.

Королева упала на колени. Она не плакала — она просто смотрела на Белоснежку, и в её глазах было признание. Она поняла, что проиграла не в борьбе за красоту, а в борьбе за истину. И она ушла в лес, и больше её никто не видел.

5. Эпилог. Лиса и Волк у зеркала

Лиса и Волк стояли у входа в домик, где жили гномы. Теперь их уже не было — остались только семь зеркал на стене. Белоснежка сидела на полу и смотрела на них.

— Ты сделала это, — сказала Лиса. — Ты приняла свои отражения. Теперь ты — целая.

— Я не знаю, что делать дальше, — сказала Белоснежка. — Я привыкла быть кем-то. Я не знаю, как быть всем.

— Ты не должна быть всем, — сказал Волк. — Ты должна быть собой. Но теперь ты знаешь, что «собой» — это не одно лицо. Это — хор. Это — голоса, которые звучат вместе. Это — суперпозиция, которая не должна коллапсировать в одно, чтобы быть реальной. Ты можешь быть многим одновременно.

Белоснежка встала. Она подошла к зеркалам и коснулась каждого из них. И в каждом она увидела себя — гневную, испуганную, радостную, ревнивую, печальную, любящую, надеющуюся. И все они улыбнулись ей.

Съеденный дом. Гензель и Гретель.

1. Лес, который пахнет хлебом

Дети не знали, когда начался голод. Он пришёл незаметно — сначала в полях, где зерно не вошло, потом в амбарах, где мыши съели остатки, потом в их собственных животах, которые урчали так громко, что заглушали даже ветер. Гензель и Гретель были маленькими, но они уже знали, что такое пустота. Не та пустота, которая бывает между звёздами, а та, что разрастается внутри, когда ты перестаёшь верить, что завтра будет лучше.

Отец сказал им однажды вечером:

— Я отведу вас в лес. Мы найдём там грибы и ягоды.

Гретель знала, что это ложь. Грибов в этом лесу не было уже три года — они все вымерли, как вымерли звери, как вымерла надежда. Она посмотрела на отца и увидела в его глазах не злобу, а отчаяние. Он не хотел бросать их. Он просто не знал, что ещё сделать. Мать (не настоящая, а мачеха) шептала ему по ночам: «Два рта меньше, один желудок полнее». Гретель слышала эти слова сквозь тонкую стену. Она не плакала. Она просто взяла брата за руку и сказала:

— Мы вернёмся. Мы всегда возвращаемся.

Гензель был младше, но он был умнее. Он носил в кармане маленький белый камешек — подарок от их настоящей матери, которая умерла, когда ему было пять. Она сказала тогда: «Этот камень — твоя память. Если ты потеряешься, он покажет тебе дорогу». Гензель не знал, как камень может показать дорогу, но он верил, потому что ему больше не во что было верить.

Отец вывел их в лес на рассвете. Лес был серым, как пепел, и деревья стояли без листьев, и их ветви были похожи на кости. Гензель незаметно разбросал белые камешки на тропе, и они мерцали в утреннем свете, как звёзды. Гретель видела это, но не сказала ни слова. Она знала, что брат всегда был хитрее, чем казался.

Отец ушёл, оставив их на поляне. Он ушёл быстро, почти бегом, и не обернулся. Гретель смотрела ему вслед и чувствовала не злость, а понимание. Она понимала, что он делает то, что должен, и что если бы он мог поступить иначе, он бы поступил.

— Мы найдём дорогу домой, — сказал Гензель. — Камешки покажут.

Но когда они пошли обратно, камешков не было. Их кто-то убрал — или лес, или звери, или сама земля, которая не хотела, чтобы они возвращались.

— Мы потерялись, — прошептала Гретель.

— Мы не потерялись, — сказал Гензель. — Мы просто ещё не нашли дорогу.

Они пошли дальше, в глубь леса, где свет почти не проникал, и воздух стал сладким и тягучим, как патока. И вдруг они увидели дом. Не обычный дом, а пряничный. Его стены были из медовых пряников, крыша — из марципана, а окна — из прозрачного сахара. Он блестел на солнце, и от него исходил запах, который заполнял лёгкие и заставлял сердце биться быстрее.

— Мы спасены, — сказал Гензель, и в его глазах загорелся голод.

Гретель не разделяла его радости. Она чувствовала, что дом дышит. Его стены пульсировали, как грудная клетка, и от него шёл не только запах сладостей, но и запах гниющих зубов, старого жира и чужого страха.

— Это не дом, — сказала она. — Это — ловушка.

Но они не могли уйти. Ноги сами несли их к этому дому, и их руки сами тянулись к стенам, отламывая кусочки, которые таяли на языке, оставляя после себя привкус не счастья, а забвения.

2. Женщина в доме

Дверь открылась сама. Внутри стояла женщина — такая старая, что её лицо было похоже на карту давно исчезнувшей страны. Она была маленькой, сгорбленной, с глазами, которые смотрели не на них, а сквозь них.

— Добро пожаловать, дети, — сказала она, и её голос был мягким, как перина. — Вы, наверное, голодны. Заходите. Я напеку вам блинов, налью молока, постелю мягкую постель. Вы отдохнёте и пойдёте дальше.

Гретель не верила. Она видела её руки — они были тонкими, костлявыми, с длинными ногтями, на которых засохла кровь и мука. Она видела её улыбку — она была слишком широкой, слишком белой, слишком съедобной.

Но Гензель уже сидел за столом и ел. Он ел блины, которые были на вкус как небо, как мамины объятия, как всё, что он потерял. Он не мог остановиться.

— Оставь его, — сказала старуха Гретель. — Он ест не просто еду. Он ест воспоминания. Каждый кусочек возвращает ему то, что он потерял. Чем больше он съест, тем меньше ему захочется уходить. Это хорошо. Это правильно.

— Ты хочешь, чтобы мы остались, — сказала Гретель.

— Я хочу, чтобы вы выбрали, — ответила старуха. — Вы можете уйти, если захотите. Дверь открыта. Но я не открою её вам — вы должны открыть её сами. И когда вы откроете, вы увидите, что лес за ней — такой же, как и до. Только теперь вы его не боитесь. Или боитесь, но по-другому.

Гретель не поняла. Она смотрела на брата, который улыбался во сне, и в его улыбке было столько покоя, сколько не было никогда раньше.

— Что ты с ним сделала? — спросила она.

— Я дала ему выбор, — сказала старуха. — Ты тоже можешь выбрать. Ты можешь остаться и забыть о голоде, о страхе, о лесе. Ты можешь стать частью этого дома, как стали многие до тебя. Или ты можешь уйти и помнить. Помнить всё — и голод, и отца, и лес. Помнить, но не бояться.

— А если я уйду, я смогу забрать брата?

— Только если он захочет, — сказала старуха. — Он уже сделал выбор. Он выбрал тепло. Он выбрал забвение. Если ты хочешь вернуть его, ты должна предложить ему что-то более сильное, чем забвение.

Гретель подошла к брату и взяла его за руку.

— Гензель, — прошептала она. — Это я. Твоя сестра. Помнишь?

Гензель открыл глаза. На мгновение в них была пустота. Потом мелькнула искра.

— Гретель? — спросил он. — Ты здесь?

— Я всегда здесь, — сказала она. — Я никогда не уходила. Я ждала тебя. Мы можем уйти. Мы можем вернуться домой. Это не наш дом. Наш дом — там, за лесом, где нет голода, но есть мы.

Гензель посмотрел на старуху, потом на сестру, и в его глазах снова появилась та хитрость, которая была у него когда-то.

— Ты хочешь уйти? — спросил он.

— Я хочу, чтобы ты пошёл со мной, — сказала Гретель.

Он встал. Его тело дрожало, но он держался за руку сестры, как за якорь.

— Мы уходим, — сказал он старухе.

— Вы не можете уйти, — сказала старуха, и её голос стал твёрже, как дерево, которое не поддаётся топору. — Вы съели мой дом. Вы стали его частью. Если вы уйдёте, дом обвалится. И тогда вы оба умрёте. Не в лесу, не на поляне — вы умрёте здесь, внутри меня.

Гретель поняла. Дом был не просто ловушкой — он был сущностью. Старуха и дом были одним целым. И если они уйдут, она умрёт. Или они умрут вместе с ней.

— Мы не хотим твоей смерти, — сказала Гретель. — Но мы не хотим оставаться.

— Тогда заключите со мной сделку, — сказала старуха. — Вы уйдёте, но вы оставите мне свой страх. Я буду питаться им, и дом выстоит. А вы будете жить без страха. Вы не будете бояться голода, темноты, одиночества. Вы будете свободны.

Гретель посмотрела на брата. Он кивнул. Они оба знали, что страх — это единственное, что их держало. И если они отдадут его, они станут другими.

— Мы согласны, — сказала Гретель.

Старуха протянула руку и коснулась их лбов. Гретель почувствовала, как из неё что-то вытекает — вязкое, тёмное, тягучее. Это был страх. Он перетекал в старуху, и она становилась моложе, здоровее, живее. А дети становились легче, словно внутри них освобождалось место для чего-то нового.

— Теперь вы свободны, — сказала старуха. — Идите.

Они вышли из дома. Дверь закрылась за ними, и в тот же миг дом начал таять. Пряники стали серой мукой, марципан — глиной, сахарные окна — льдом. Он исчез, как исчезает сон на рассвете. И на его месте остался только камень с вырезанными на нём именами — сотни имён тех, кто когда-то вошёл и не вышел. Дети не знали этих имён. Они знали только, что они — не среди них.

3. Дорога домой

Они шли через лес, и лес теперь не был страшным. Он был просто лесом — старым, тёмным, но не враждебным. Гензель шёл впереди, и в его кармане лежал тот самый белый камешек, который он потерял в начале пути. Он не знал, как он вернулся. Он просто нашёл его на тропе, как будто камень ждал его.

— Я помню дом, — сказал Гензель. — Я помню его запах. Но я не хочу возвращаться.

— Почему? — спросила Гретель.

— Потому что там пусто, — сказал он. — Отец уйдёт, мачеха умрёт, а мы будем там одни. И мы будем есть, но мы не будем сытыми. Я лучше буду голодным, но вместе с тобой.

Гретель обняла его. Она не плакала — она просто держала его, чувствуя, как его сердце бьётся в такт с её.

— Мы не вернёмся в дом, — сказала она. — Мы пойдём в лес. Но не как брошенные, а как выбравшие. Мы будем жить здесь, среди деревьев, и мы будем помнить всё.

Они пошли в лес, и деревья расступились перед ними. Они больше не боялись ни ветра, ни холода, ни темноты. Потому что они отдали свой страх той, кто могла с ним справиться. И они стали свободными.

4. Эпилог. Лиса и Волк у тающего дома

Лиса и Волк стояли на поляне, где когда-то стоял пряничный дом. Теперь там был только камень с именами и маленький белый камешек, который Гензель уронил, когда уходил.

— Они выбрали, — сказала Лиса.

— Да, — ответил Волк. — Они отдали страх, чтобы быть вместе.

— Это и есть любовь, — сказала Лиса. — Не удержать, а отпустить. Не съесть, а принять. Не быть съеденным, а выбрать.

— Что мы будем делать? — спросил Волк.

— Мы пойдём за ними, — сказала Лиса. — Не как спасатели, а как свидетели. Они будут жить в лесу, и мы будем видеть их. Мы будем знать, что они есть. И это — всё, что нужно.

Они ушли в туман, который начал подниматься с поляны. А на камне, который остался на месте дома, появятся новые имена — тех, кто однажды решит прийти сюда и заключить сделку. Но это будет уже другая история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.